

составляли 34,6% всего количества выступлений за данный месяц, в апреле—25,6%, в мае—20,9% и лишь в июне эта форма борьбы поднимается до 47,3%.

Не совсем, по нашему мнению, правильным является утверждение, объясняющее преобладание таких скрытых форм борьбы крестьян против помещиков тем, что они, эти формы, „по крестьянскому пониманию не противоречили законам и намерениям правительства²⁾).

Суть дела не в том,—считали крестьяне свои действия законными или противозаконными, а в том, что крестьяне, принимая лозунг „Земля и воля“, не имели желания медлить с его осуществлением. В то же время партия, выдвинувшая этот заманчивый лозунг, в искренность намерений которой крестьяне верили сильно, выдвинула другой, противоположный стихийному революционному движению крестьянства, лозунг, который сводился к призыву „зарядиться терпением до созыва Учредительного собрания“.

Таким образом, противоречие между стихийным движением крестьянства, с одной стороны, и сознательным руководством со стороны „его“ партии —с другой стороны, и явилось главной причиной преобладания указанных „мирных“ форм борьбы. Сознание крестьянства как бы говорило ему: „иди за „своей“ партией“, а вековая кабала шептала на ухо: „бери пока не поздно“. Крестьянин раздираемый этим противоречием шел, так сказать „нелегальным“ путем. Само это противоречие не случайно.

Оно является не только результатом обмана эс-эрами крестьянства, а возникло из самой сути крестьянства, из его двойственной „природы“. Крестьянин—труженик, задавленный эксплуатацией помещика, кулака и буржуа, не хочет медлить с уничтожением помещичьего землевладения. Крестьянин—мелкий собственник надеется на

²⁾ „Крестьянск. движение в 1917 г.“, под редакцией М. И. Покровского, пред. Я. Яковлева, стр IV.